

Бондаренко Федор Иванович. Кто он?

От сына...

Я думаю, что лучше Пушкина не скажешь. Мой папа самых честных правил... прожил свою жизнь так, что каждый, кто находился с ним в общении, просто уважал и дорожил его мнением. Уважали за доброту, чистосердечность, желание прийти на помощь в трудный час. В нем таилась какая-то притягательная сила, которая тянула к нему людей как магнит. Нелегкая судьба досталась ему с юных лет. В раннем возрасте он потерял отца - единственного кормильца в семье. Поэтому нести ответственность за семью пришлось очень рано. И в таких невероятно сложных условиях он сумел окончить фельдшерскую школу. Затем был призван в ряды РККА. В армии ему довелось участвовать во всех довоенных кампаниях: в Польском походе по освобождению Западной Белоруссии и Украины, в Советско-Финской зимней войне, а также в освобождении Бессарабии и Северной Буковины. А потом была Великая Отечественная Война, сквозь пекло которой он прошел как солдат, истинный патриот своей Родины. В самом ее начале он был в рядах защитников Киевского направления.

Мой отец - солдат Отчизны, который прошел через ад Зеленой Браны, а затем, путём невероятных усилий, вышел из огненного окружения... Радость победы омрачила несправедливая репрессия. Но и ее он выдержал с достоинством, оставаясь при этом самим собой. Вот таким он был, мой отец - Бондаренко Федор Иванович... Мужественным и стойким, чутким и сдержанным. Он обожал свою семью, принимал непосредственное участие в общественной жизни, а в ночной тиши временами сочинял стихи. На этом можно поставить точку, потому что одним весенним мартовским утром, он завершил свой трудный, героический и все же счастливый путь. Он ушел как солдат, исполнивший свой долг, оставив на прощание свое скромное послание...

Я БУДУ ВЕЧНО!

*Я не исчезну, нет! Я это точно знаю!
И рок судьбы без страха принимаю.
А час придет, я только изменюсь -
Кустом ракиты в поле обернусь,*

*Склонюсь березкой тихой, как дитя,
Качну морями, с бурями шутя!
Я пронесусь гремящим облаком,
Я буду петь, но птичьим языком.*

*Я буду снегом, пламенем огня,
Я буду гривой дикого коня!
Всем буду я, что суще на земле,
Я буду в небе и подземной мгле,*

*Я стану светом дивной красоты,
Я буду ником редкой высоты!
И с той вершины в свой досужий час
Глядеть я буду с завистью на вас.*

От дочери...

Мы жили на разных концах нашей огромной страны,
не зная и даже не подозревая, о существовании друг друга...

Бондаренко Федор Иванович. Он был и моим отцом.

Я родилась в октябре 1942 г. на оккупированной фашистами территории и отца совершенно не помню. Говорят, имя дал мне он. И это всё, что осталось мне от него. Но я

всю жизнь помню об этом и дорожу своим редким именем... Военная судьба разлучила нас очень рано! След затерялся в гуще военных троп и дорог, и найти его до поры до времени не было никакой надежды... Но я знала, что он есть. Был...? Время шло и, наконец, информационная блокада была снята. Появилась возможность многое узнать о давно прошедшей войне и её воинах. Вспыхнула надежда найти хоть какие-нибудь следы или хотя бы одну, одну любую его фотографию... Ответ на первый же запрос пришёл быстрее, чем я ожидала, - он жив! Радости моей не было конца. «После освобождения, из мест лишения свободы Бондаренко Ф.И. был определён на спецпоселение... Сведениями о его дальнейшей судьбе не располагаем» - это из официального

ответа УВД. На тот момент мне было не так важно, где и как он, главное, что нашла, что выжил, что с честью перенёс все испытания.

Два десятилетия канули в Лету... Время неумолимо, но иногда оно подталкивает нас снова к прошлому, чтобы мы смогли завершить ранее начатое. Однажды мне позвонил старший сын:

- Мама, я нашёл информацию о Бондаренко Ф.И., но в ней какая-то ошибка! Там говорится, что он пропал без вести. Может этот человек его однофамилец? Но ведь дата и место рождения те же самые!

- Ну что ж, - ответила я, - эта фамилия довольно - таки популярна в Украине.
- Это наводит на мысль, что их было двое? А ты не хотела бы разобраться в этом?
Вот так начался очередной поиск... Но на этот раз он неожиданно оказался успешным, хотя и довольно непредсказуемым для меня...

Виртуальная встреча на сайте 141 с.д.

Ещё от сына...

Наверное, никого не удивит то обстоятельство, что порой судьба преподносит нам невероятные встречи, которые спланировать самостоятельно совершенно невозможно. Вот именно о таком случае и пойдёт речь... А теперь, все по порядку. В

поисках боевого прошлого своего отца я воспользовался услугами интернета - самого глобального информационного пространства в мире. В результате всего наиболее "объемные" данные были обнаружены мной только на сайте ОБД "Мемориал". Но и там было крайне мало той информации, которую я искал.

Как-то, отправляясь в командировку, я ожидал свой рейс в аэропорту. Заполняя паузу, интуитивно набрал в ноутбуке: 6 и 12 Армии, 141 с.д. Я был удивлен и ошеломлен, когда на первой же странице сайта увидел фотографию молодого отца в военной форме. Просматривая далее разделы сайта, я открывал для себя все больше информации о тех страшных днях, которые испытали на себе жители села Подвысокое и его окрестностей в самом начале войны. И эти открытия лишь только начинались. Так в очередном разделе, в открытой переписке, я обнаружил нечто, что еще больше взволновало меня. Одна из его участниц также вела поиск Бондаренко Ф.И... и тоже называла его своим отцом! Биография и все прочие данные были точь-в-точь, как у моего родителя. Вот так, как подарок судьбы, появилась в моей жизни родная сестра. Неожиданность - она всегда рядом с нами. Так случилось и в нашей жизни: два Федора оказались одним человеком и нашим родным отцом!

Между нами сразу же завязалась переписка, которая со временем переросла в дружеское сотрудничество. Дело в том, что отец оставил после себя некоторые воспоминания о первых днях войны, когда он находился на грани жизни и смерти. Страницы отпечатанного на машинке текста на украинском языке, размытые временем, были покрыты его пометками от руки. В своё время он собирался передать некоторые отрывки из них в музей села Подвысокого. Недолго думая, было принято решение осуществить его желание. На сайте "141-я стрелковая дивизия" имеется раздел воспоминаний воинов дивизии. Там и поместим его произведение - рассудили мы. Закипела работа: перевод, редактирование, идеи, и разного рода сомнения... Компьютеры раскалялись, ведь мы живем вдалеке друг от друга, более того - в разных странах. Было всё: обмен мнениями, обсуждения, иногда разногласия в видении одного и того же момента. Но теперь все уже позади и мы предлагаем вашему вниманию очерк событий первых месяцев Великой Отечественной Войны.

Чорновик

НА КРАЮ МОЖЛИВОГО.

Дяксі — Спогади учасника боєвих дій.

Все, про що піде мова — не вигадка, не почуте від когось, а відбувалося особисто зі мною в перші місяці великої Відчуженої війни. Всі дати, назви населених пунктів, прізвиська і військові звання учасників по дії — документальні.

1.

6-та армія Київського Особого військового округу, в якій я тоді служив на офіцерських посадах, вступила в бій з німецькими загарбниками з перших днів війни і з важкими відступаючими боями пройшла від західних кордонів України районів Сокаль-Броди / до Кіровоградської області. Тут вона, а також правобережна 12-та армія була оточена в районах населених пунктів: Підвисоке — Ловоархангельськ — Бабанівка — Теклівка німецькою армією "Південь" і перейшли на кругову вогневу оборону. Фактично це вже були не армії, а їх жалюгідні залишки тому, що під час швидкого відступу та виходів з напівоточення вони втратили значну кількість військового забезпечення. Оточення продовжувалося з 31.УІ до 6.УІІ.41. Уже не вистачало боєприпасів, пального, продовольства, зменшилась площа активної оборони з 15 — 20 км. до 3 км. та і цей в'язачок наскрізь прострільвався; швидко зростала кількість вбитих і поранених, яких не було чим і куди вивозити. На прохання об'єднаного командування оточених армій надати їм військової допомоги, штаб Південно-Західного фронту відповів відказом посилюючи надвечір'я наявності наявного резерву.

В цій критичній ситуації наше командування приймає рішення виходити з оточення власними силами — шляхом нічного штурму. Але штурм завдав повної поразки — нішто великою була перевага ворога.

В полон до ворога попали: командуючий 6-ї армії, генерал-лейтенант Музиченко Іван Миколайович, командуючий 12-ї армії, генерал-майор по-неделін Павло Григорович, а також 74 тис. командирів, політпрацівників, офіцерів. Всі вони, по наказу німецького командування армії "Південь" були відправлені в конітабір-глинище під назвою "Уманська яма". Тут, по свідцтву на Нюрнберзькому процесі коменданта цього табору капітана Беккера щоденно гинило 60-70 чел.

Своя доля була дещо іншою. Призначений командувачем головний загін повзав до штурму, я, та декілька військових, всіма вирватися із оточення і опинитися... на окупованій тим же ворогом території. Гадаю в цей нішто не позаздрив би нам ажже щоб наздогнати свою діючу армію, яка — по чуткам

НА ГРАНИ ВОЗМОЖНОГО

Три эпизода на фоне войны

Некоторые воспоминания участника боевых действий 141-ой стрелковой дивизии.

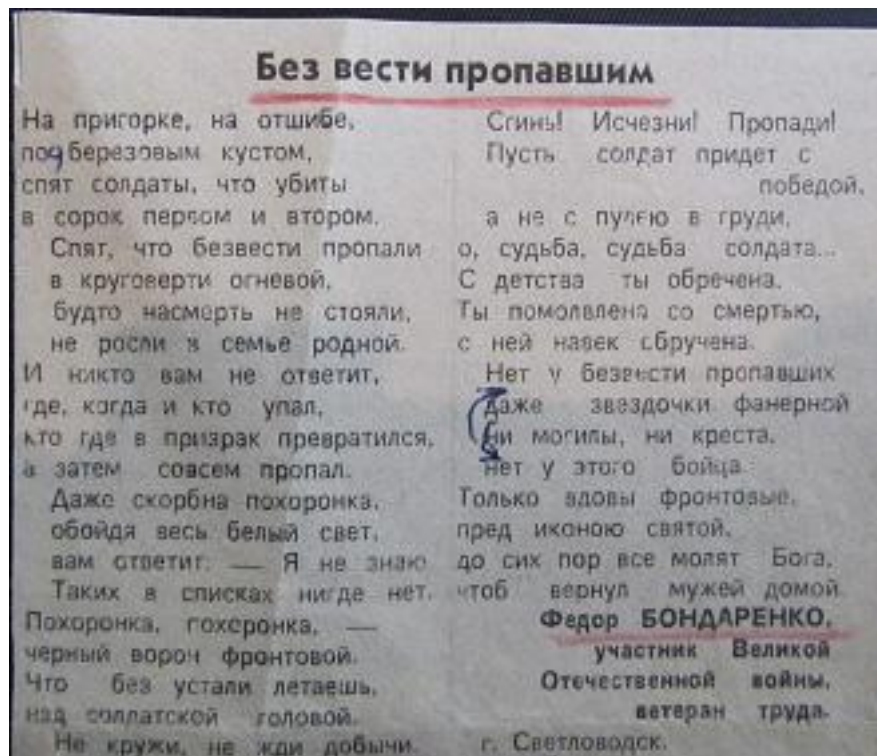
Все, о чем здесь пойдет речь - не выдумка, не услышанное от кого-то, а происходило непосредственно со мной в первые месяцы Великой Отечественной войны. Все даты, названия населенных пунктов, фамилии и воинские звания участников этих действий - документально подлинны. 6-ая армия Киевского Особого военного округа, в которой я служил в офицерской должности лейтенанта, вступила в бой с немецко-фашистскими захватчиками в первые дни войны. С тяжелыми отступлениями она прошла от Западных границ Украины (районов Сокаль - Броды) до Кировоградской области. Здесь, вместе с правофланговой 12 - ой армией, они были окружены врагом в районах населенных пунктов Подвысокое - Новоархангельск - Бабановка - Текливка немецкой армией "Юг", и перешли в круговую огневую оборону. Фактически это уже были не армии, а их жалкие остатки, которые во время быстрого отступления и выхода из окружения потеряли значительное количество живой силы и военного обеспечения. Окружение продолжалось с 31 июля по 6 августа 1941 года. Уже не хватало боеприпасов, горючего, продовольствия, уменьшилась площадь активной обороны с 15-20 квадратных километров до трех, да и этот пятачок простреливался насквозь. Быстро росло количество убитых и раненных, которых было нечем и некуда вывозить. На просьбу объединенного командования окруженных армий, оказать им помощь, штаб Юго-Западного фронта ответил отказом, ссылаясь на отсутствие запасного резерва. В этой критической ситуации 6 августа 1941 года наше командование принимает решение, выходить из окружения своими силами - путем ночного штурма. Но штурм потерпел полное поражение - слишком большое преимущество было у врага. Во вражий плен попали: командующий 6-ой армией генерал-лейтенант Музыкаченко Иван Николаевич, командующий 12-ой армией генерал-майор Понеделин Павел Григорьевич, а также 74 тысячи командиров, политработников, бойцов. Все они, по указанию немецкого командования армии "Юг", были отправлены в концлагерь - глинице¹ под названием "Уманская Яма". Здесь, по свидетельству коменданта этого лагеря капитана Беккера на Нюрнбергском процессе, ежедневно погибало 60-70 человек.

АРХИВНАЯ СПРАВКА

С 22 июня по 10 июля 1941 года фашистские войска продвинулись на юго-западном направлении на 500 километров, на западном - на 600 . Они захватили Прибалтику, Белоруссию, Молдавию и значительную часть Украины. За 18 дней войны советские войска потеряли 28 дивизий. Кроме этого, больше чем в 72-х дивизиях была уничтожена половина боевого состава и боевой техники. За это время мы потеряли: 3500 самолетов, 6000 танков, более чем 20000 орудий и минометов. В приграничных округах было уничтожено или захвачено врагом более половины армейских складов и складов наркомата обороны.

Из архивов книги "Лето 1941 год. Украина", стр.105

¹ Глинице – выкопанная яма, из которой добывают глину.

Эпизод первый

Моя судьба сложилась несколько иначе. Назначенный командованием в основной отряд разведки и штурма, я и несколько однополчан успели вырваться из окружения и оказаться... на оккупированной тем же врагом территории. Думаю, в тот момент никто не позавидовал бы нам. Ведь, чтобы догнать действующую армию, которая по слухам уже оставила Кировоград и была где-то на подступах к Днепру, нам необходимо было преодолеть 550-600 километров оккупированной территории, где на каждом шагу было полно захватчиков. Поэтому наш отряд решил преодолевать этот путь разрозненно, по одному - двум бойцам. Так было больше надежды на то, что хотя бы один из нас дойдет до своих и расскажет, что произошло с погибшими армиями. Так я остался один. И как мне показалось - один на всём белом свете. Но я ошибался. В первые месяцы войны многие командиры и политработники панически бежали на восток, где находились их действующие армии, и пока еще не занятая врагом земля. Переходить оккупированную территорию можно было только в ночные часы. Во время перехода укрытиями нам служили ямы, кусты, участки с зарослями подсолнечника и кукурузы. Дневное время коротали в каком-нибудь тайнике. Но основным испытанием был не тяжелый путь и не голод, к которому во время отступления я привык, а жажда. Дело в том, что в этой части Кировоградской области, которую мне пришлось преодолевать, не было ни речек, ни озер. Поэтому возможность утолить жажду обычной водой становилась огромной проблемой. А заходить в занятые врагом села было слишком опасно. Недоедание, недосыпание и жажда делали свое дело. Где-то на пятый день моего перехода я ощутил слуховую и зрительную галлюцинации. Мысль напросилась сама: будь что будет - зайду в какую-нибудь хату и попрошу кусок хлеба или хотя бы кружку воды.

На следующий день около десяти утра я набрел на старенькую хату-мазанку, которая стояла в стороне от других строений. После небольшой разведки подошел к ней и открыл скрипучую, как баян, дверь. Внутри меня встретила невысокая худощавая женщина лет 45-ти и несколько детей - подростков. Почти минуту они молча смотрели на меня, как на

привидение, которое упало с неба божьего. Потом женщина спросила:

- Как вы сюда попали? В округе полно врагов. Это очень опасно.

- Если можете, - сказал я, - дайте, пожалуйста, кусок хлеба или хотя бы кружку воды, и я уйду.

В это время один из малышей, который стоял ближе других к окну, взволнованно сказал:

- Немцы идут! Три человека! С автоматами! Прямо сюда!

- Ой, беда! Что же делать? - заметалась женщина.

- Не волнуйтесь, - успокоил я ее. - Сейчас я незаметно выйду и скроюсь...

- Поздно! Наши двери у них на виду, как на ладони!

Она заметалась по комнате, пристально осматривая все углы своей небольшой хаты. И вдруг скомандовала:

- Залезайте, командир, на печь!

- Я? На... печь? Да вы что?!!! Хотите, чтобы меня какой-то занюханый фриц убил на печке, как жалкого труса? Уж лучше... - хватая свой ТТ, занервничал я.

- Немедленно лезь на печь!!! - почти закричала женщина. - Еще мгновение, и будет поздно! Детей я посажу на краю печи.

Мне понадобился всего лишь миг, чтобы принять решение - единственное верное, которое может спасти детей. О себе я в тот момент не думал. Поэтому послушно, и как можно быстрее, не полез, а взлетел на горячую как ад печку и перестал дышать.

- Дети! - продолжала давать указания женщина.

- Вы тоже немедленно на печь! Сядьте на краю, и плотнее прижмитесь друг к другу.

Ноги свесьте вниз. Лицом ко мне. Машите ногами и смейтесь. Да, возьмите вот это покрывало и хорошенько прикройте командира. И не вздумайте глазеть на него! Кто хоть раз посмотрит - убью!

В сенях слышались шаги оккупантов. Еще не войдя, как следует в дом, первый спросил:

- Партизаны, пленные есть?

- Есть, есть, - покорно ответила женщина.

- Где они? Покажи?

- Вот здесь. На печке.

Внутри у меня что-то булькнуло и оборвалось...

- Неужели, - думал я, - эта гадука решила так дешево продать меня врагам? Вот же гадина! Да я ее раньше фрицев отправлю на небеса!

Тем временем женщина подвела немцев к печке и сказала:

- Вот они. Все как один - партизаны. Только что вернулись из боя. У некоторых сопли еще не успели высохнуть.

- Майн гот! - удивился один из немцев, - Вифиль киндер! То есть... вси твоя, киндер?

- Здесь нет моей доченьки. Ее забрали в Германию, а трех своих деточек она оставила мне. Остальные ребятишки - из соседних хат.

Оккупанты погоготали о чем-то между собой, а потом один из них спросил:

- Курки, яйца есть?

- Были сегодня утром. Но раньше пришли ваши солдаты, порезали всех и унесли.

Одни перья от них остались.

Немцы молча переглянулись и вышли из хаты. В щель, которая образовалась между детьми, я увидел, как эта худенькая женщина не села, а почти упала на стул, и устало закрыла глаза.

Потом сказала:

- Слезайте детки на пол. Вы были молодцы. И вы, командир, слезайте. Немцы уже ушли. Дети посыпались на пол, как горох из развязанного мешка. Я тоже попробовал спуститься, да где там! Не смог сделать ни малейшего движения. Но нужно было вставать. Собрав все свои силы, я не слез, а просто скатился с печки как тыква, оторванная от ботвы. Дети засмеялись. Женщина открыла глаза и тоже улыбнулась. Я рухнул перед ней на колени, взял ее натруженные руки, и стал благодарно их целовать.

- Ой, что вы, что вы, командир! - испугалась женщина, и стыдливо спрятала руки.

- Мне никто никогда не целовал руки, а здесь вы - офицер...
- Вам не только нужно руки целовать, а памятник при жизни поставить. И вместе с тем, прошу, умоляю простить меня за то, что я чуть не выстрелил в вас.

- В меня? - испугалась женщина. - За что?

- В тот момент мне показалось, что вы предательница, и решили выдать меня врагам. А теперь, спасибо вам за все, и до свидания! Мне пора в путь.

И я направился к выходу, забыв про хлеб и воду.

- Подождите, командир,- остановила меня хозяйка, - так выходить опасно. Здесь неподалеку могут шастать враги. Поэтому будет лучше, если дети хорошенько разведают, а уже потом пойдете вы.

Я согласился.

- Дети! - обратилась она к малышам. - Вы слышали, что я сказала?

- Слышали, - хором ответили дети.

- Ну, тогда бегите, разведайте и расскажете, что видели.

Детей, как сквозняком, вынесло из хаты.

- А я тем временем, - продолжала женщина, - я картошечки горяченькой достану из печи и дам вам на дорогу. А то вижу, вы так проголодались, что даже щеки почернели.

С этими словами она быстро достала чугунок с картошкой, и почти все переложила в мою полевую сумку. Затем положила туда лепешку из кукурузной муки и наполнила мою флягу водой. Как дыхание весеннего ветра влетели в хату дети и доложили:

- Нигде близко фашистов нет!

- Спасибо милые,- поблагодарила женщина.

- Товарищ командир! - обратился ко мне старший из детей.

- Разрешите нам проводить вас в наше убежище, чтобы вы переждали там до ночи.

Это убежище на самом дне мусорника, и так заросло бурьяном, что сам Гитлер не найдет вас там. Я согласился, еще раз поблагодарил женщину за все то, что она для меня сделала, и вышел из этой бедной, но ставшей для меня бесценной хаты.

Эпизод второй

Примерно через неделю после этого случая, переходя через скошенное поле, я увидел в лощине какое-то крупное сооружение, замаскированное снопами и соломой. Недалеко от него был выкопан окоп. Я присмотрелся и прислушался. Там, казалось, никого не было. Достав пистолет, я начал осторожно обходить окоп. На одной стороне постройки вдруг обнаружил замаскированные двери. Чуть в стороне на снопах сидел коренастый охранник и, похрапывая, крепко спал. Автомат выпал из его рук и лежал на земле. Я осторожно поднял его. Потом подошел ко входу и заглянул внутрь. Там стояла огромная по сравнению с нашими довоенными ГАЗ и ЗИС-5 машина. На ее кабине мерцал, сделанный из гильзы снаряда ночник. Возле машины штабелями лежали снаряды и ящики с патронами. В машине на сидении лежал толстый кожаный портфель. Я взял его. В кузове с одним открытым бортом, на застеленной брезентом соломе, крепко спали вояки. Это были венгры - союзники фашистской Германии. Как молоды и красивы были они! Я даже подумал: - может оставить их досыпать, а самому продолжить свой путь? Но уже другая мысль сверлила висок. А что будут делать эти красавцы, когда проснутся? Опять будут грабить, и убивать наших людей? Грабить, и жечь дома мирных жителей? Нет, нельзя этого допустить! Что же делать? Уничтожить всех, загрузить эту машину боеприпасами и скрыться? А куда? Вокруг везде фашисты, оккупированная территория - далеко ли уедешь? Мысль запуталась, как муха в паутине, и остановилась. Время безнадежно таяло... Мое пребывание в стане врага становилось опасным, в любой момент кто-то из них мог проснуться и тогда... Решение пришло, как будто упало с неба. Я достал из полевой сумки две гранаты, положил одну на бак с горючим, а вторую - на боеприпасы. Вырвал из них предохранители, быстро перебежал к окопу, упал на дно и распластался там, как мертвая лягушка. Прозвучал глуховатый взрыв.

Наверное, это подорвался бак с горючим. А потом так гроыхнуло, засвистело, запылало, что показалось - земля стала адом. Горящие осколки летели над окопом, угрожая оторвать голову и унести в небытие с огненным хвостом. Из охваченного огнем укрытия на четвереньках выполз охваченный пламенем человек, закричал, забился в судорогах, затем стих и замолчал окончательно. Вот оно - лицо войны! ИЗОБРЕТЕНИЕ самого разумного существа на Земле!- Подумал про себя я. Но долго наблюдать это страшное зрелище было опасно. Без сомнения, враг уже услышал грохот взрывов, и не замедлит нагрянуть сюда, чтобы узнать, что произошло. Поэтому, подождав, когда немного стихнут взрывы, я вылез из окопа и как можно быстрее бросился бежать.

Эпизод третий

Линию фронта я перешел без проблем. Первыми, кого я встретил на своей территории, были разведчики Н-ской части. Не дожидаясь, когда они заметят меня, я первым открылся им. Как и необходимо было поступать в этих случаях, я сдал свое оружие - мой пистолет, с которым прошел Финскую войну, освобождение Западной Украины, Белоруссии и Молдавии. У меня изъяли личные вещи, чтобы переправить в особый отдел части. В добротной хате, под образами Девы Марии и Николая Чудотворца, сидел совсем невзрачный с виду старший лейтенант в полевой форме войск НКВД. Не глядя на меня, он искал или делал вид, что ищет какие-то бумаги на столе. Затем особист встал и внимательно осмотрел меня с ног до головы как овечку, которую продают на рынке. Вернувшись на свое место, он театрально сел и заговорил тоном, который, по его мнению, должен был убить меня наповал.

- Я не буду спрашивать кто ты, откуда пришел и с каким заданием. Я это сделаю за тебя. Ты - дезертир, потому что пришел один, без однополчан. Какое-то время ты кружил по оккупированной территории, болтался, как г... в проруби. Вот там и подобрал тебя, зловонного объедка, какой-то фашист. Он сделал из тебя шпиона и прислал сюда с определенным заданием. То есть, ты - бывший военнопленный, а теперь шпион и предатель Родины. О таких как ты, товарищ Сталин сказал: "В Красной Армии нет военнопленных, есть предатели и изменники Родины". Это полностью отвечает твоим преступлениям. Интересуешься, что тебя ждет? Отвечаю. Как минимум 10 лет лагерей, 5 лет поражения в правах, с отбыванием наказания в местах, где загорают белые медведи. А если Военный Трибунал зачтет все твои подвиги, то по совокупности - "вышка" тебе обеспечена! Удовлетворенный сказанным, он откинулся на спинку кресла, и искоса начал наблюдать, как подействовала на меня его вдохновенная речь. Я внимательно смотрел на него и не мог понять, что это - сон, шутка или ужасная действительность. Раньше я краем уха слышал, что в стране проходят аресты, террор, но чтобы наказывать людей ни за что, ни про что! Нет! Это, наверное, выдумка этого особиста-губошлепа. Поэтому я решительно сказал:

- Наверное, вы ожидаете бурных аплодисментов, которые перейдут в овации? Так вот, их не будет, потому что вы несли вздор. Вот смотрю на вас и думаю: на вид умный и рассудительный человек, а на самом деле балаганный скоморох. Какую цель вы ставите, угрожая мне холодными лагерями и даже высшей мерой наказания? Хотите запугать меня? Да разве можно этим напугать фронтовика, который по нескольку раз в день встречался нос в нос со смертью? Оставьте все свои страсти-мордасти для более слабонервных, таких тыловых крыс, как вы.

- Заткнись, гад! - взревел особист.

- Когда вы говорили, я молчал и внимательно слушал, - спокойно продолжал я, - хотя хотелось по-фронтовому врезать по морде за несправедливое обвинение, но делать этого не стал. Когда я заговорил - вы не выдержали... и сдетонировали. Это свидетельствует об отсутствии у вас сдержанности, хладнокровия и воспитания, необходимых для следователя.

- Заткнись, фашистский ублюдок! - взревел особист и так шандарахнул кулаком по столу, что все святые иконы содрогнулись.

Без стука вошел худощавый седой полковник. Его раненая рука была подвязана косынкой. Улыбнувшись, он сказал:

- Эй! Кто тут бушует? Зачем так много междометий в дружеском разговоре?

- Какая там дружба! - отмахнулся особист.

- Вот веду допрос дезертира, шпиона и предателя Родины. А он, собака, огрызается. Да еще и оскорбляет меня при исполнении служебных обязанностей!

Я не слышал его. Все мое внимание было приковано к полковнику. И чем больше я его рассматривал, тем больше он казался мне знакомым. Наконец, я не выдержал и радостно сказал:

- Полковник Расин! Это, без сомнения, вы! Как я рад, что встретил вас!

Полковник остановился, повернулся ко мне, подошел и начал внимательно рассматривать. Потом спросил:

- Откуда вы меня знаете?

- Как не знать! В 1934 - 1937 годах вы работали в Кировоградском областном военкомате и одновременно преподавали военное дело в нашем учебном заведении. Я в то время был вашим слушателем и часто встречался с вами в преподавательской, - я назвал ему свою фамилию. - Может, припоминаете меня?

- Да разве можно в этих джунглях бороды и усов узнать ранее знакомого мне человека? Хотя, есть в вас что-то знакомое... Это вы были старостой курса все три года обучения?

- Я, товарищ полковник! Вы еще тогда предложили мне написать заявление для зачисления в кадровую армию. Но в то время я получил вызов для поступления в институт без экзаменов. Поэтому не смог воспользоваться вашим предложением.

- Припоминаю. А что произошло потом? И почему вы в таком неприглядном виде?

Я коротко рассказал о себе, о гибели 6-ой и 12-ой армий, о происшествии с женщиной и детьми, о случае с вражеской машиной. Особист, который все это время внимательно слушал наш разговор, наконец, не выдержал и ехидно сказал:

- Тоже мне храбрый командир. Увидел живых фашистов и так испугался, что с пистолетом полез на печь и спрятался за маленьких детей. Разве ты командир? Жалкий трус. Судить тебя за это надо!

Полковник внимательно посмотрел на старшего лейтенанта. Спросил:

- А как бы вы лично поступили в такой ситуации?

- Я? - оживился особист. - Да я бы... высадил бы всю обойму в тех фрицев! И...

- И...и, - подгонял полковник.

- Выскочил бы из хаты и... нашел какое-нибудь укрытие, просидел бы там до ночи, а потом - только меня бы и видели!

- А женщина, дети? Как вы думаете, что бы ждало их после этого?

- Хм, не знаю...

- А я знаю - верная смерть! Вместе с полутора - двумя десятками заложников, которых немцы всегда захватывают в таких случаях, и немедленно расстреливают.

Особист поник, опустил плечи и выдавил:

- Да, это могло случиться...

- Теперь представьте себе, сколько могло погибнуть наших людей, во имя безрассудной храбрости одного человека?

Старший лейтенант совсем растерялся и уже тихо сказал:

- Без потерь на войне не бывает. Война есть война.

- Да война, но не против своего народа! Народ нужно всецело оберегать и защищать!

Вот так и поступил этот лейтенант. Он сохранил жизнь детям и женщине, себе и еще неведомо каким невинным людям.

В этот момент в хату вошел дежурный особого отдела и, обращаясь к полковнику, сказал:

- Товарищ полковник! Разведчики доставили еще трех военных. Они утверждают, что вышли из окружения 6-ой армии, и просят вас принять их.

- Пусть заходят, - сказал Расин.

В хату зашли два бойца и сержант. Последний из них начал внимательно рассматривать меня, а потом возбужденно вскрикнул:

- Это он! Без сомнения - он!

- Точно, он! - согласились и оба солдата.

- Кто он? - ничего не понимая, спросил Расин!

- Тот самый, который подорвал машину с боеприпасами, - ответил сержант.

- А почему вы так уверены, что это совершил именно этот лейтенант.

- Ха, так мы его так прекрасно видели в зареве пожара. Однако, он так драпанул оттуда, что не только мы, но и никакая немецкая овчарка не смогла бы его догнать. Кстати, в руках у него был какой-то портфель.

- Благодарю за информацию, - сказал полковник.

- Сейчас дежурный отведет вас в палатку и накормит. Поговорим завтра.

Сержант и бойцы вышли.

- О каком портфеле здесь шла речь? - спросил меня Расин.

- О том, который я изъясил из вражеской машины. Он сейчас вот там лежит.

Я взглядом указал на стол, за которым сидел особист.

- Дайте портфель сюда! - приказал полковник старшему лейтенанту. - И все его вещи тоже.

Особист подчинился. Расин открыл портфель и начал внимательно рассматривать все, что там находилось. Разговаривая сам с собой, он по ходу перечислял: карты... схемы... приказы немецкого и венгерского командования... две плитки черного шоколада...

- Странно, почему вы их не съели?

- Как-то времени не было...

- А почему ваше офицерское удостоверение мокрое?

- После выхода из окружения пришлось переплывать речку Синюху, а оно было в нагрудном кармане.

- Все, что вы сделали - очень важно. Я буду ходатайствовать о награждении вас орденом Красного Знамени

- Старший лейтенант, - обратился он к особисту. - Позовите сюда старшину хозяйственного взвода!

Тот козырнул и вышел.

- А как называлось село, где произошло то событие с женщиной и детьми?

- А я... я не знаю. Все случилось так неожиданно, что не было возможности даже подумать об этом.

В хату вошел бравый подтянутый старшина и зычно начал:

- Товарищ полковник!

- Старшина... Не надо, - отмахнулся Расин. - Возьми вот этого лейтенанта, вымой его, переодень, накорми и дай ему хорошенько выспаться, а то, сам видишь, он давно забыл, что такое еда и сон. А после отдыха пусть завтра зайдет в штаб.

Мы вышли из хаты и очутились возле палатки-столовой. Войдя туда, старшина сказал:

- Повар! Доставай все, что у тебя есть и ставь на стол для лейтенанта. Полковник лично приказал сделать из этого заморыша живого человека.

На столе, как по щучьему велению, появилась большая тарелка вкусного борща, картошка с мясом, гора хлеба, компот. Но, несмотря на то, что почти семь дней я голодал, есть совсем не хотелось. Странно, во рту почему-то было сладко. Преодолевая это чувство, я подцепил из тарелки хороший кусок мяса и попытался переправить его в рот. Но в этот момент моя рука предательски задрожала, сомлела и выпустила ложку. Голова качнулась, "клюнула" и упала на стол, едва не попав в тарелку с борщом. Я мгновенно заснул непробудным сном...

Ф.БОНДАРЕНКО, участник боевых действий ВОВ, 7 марта 2000 года.

Послесловие

Вы дочитали и решили, что всё сложилось для героя удачно?... Он добрался к своим, ему поверили и даже обещали наградить. Так что же случилось дальше? Нет, лейтенант не погиб, не пал смертью храбрых и не был награжден, как было обещано. Он не пропал без вести, хотя и числился в этих списках. Что ещё довелось ему испытать в суровые дни войны, через какие испытания пришлось пройти? Этого мы пока, к сожалению, точно не знаем. Следовательно, будем продолжать наш поиск дальше ...

НЕ НУЖНО ВОЙНЫ!

*На братских могилах покой, тишина...
Не слышно там смеха и песнь не слышна,
Лишь стон погребальный чугуновых звонил
Весь мир тот окрестный слезой напоил*

*И вдруг из земли как крик тишины
Пробило набатом – "Не нужно войны!"
Не нужно! Не нужно! В огне Сталинград!
Не нужно! Потоплен в крови Бухенвальд.*

*Горят, не сдаются Одесса и Брест
Хатынь живую распята на крест!
Дымят крематории, в воздухе чад,
На суше, на море несказанный ад.*

*Бредет, опьяненная кровью война
На детских висках, как зима, седина...
А голос погибших твердит с тишины:
"Не нужно! Не нужно! Не нужно войны!"*